

ПРОЛОГ

Ленка Ащеулова чувствовала себя не в своей тарелке. Компания, в которой она собиралась праздновать Новый год, была ей совершенно незнакома. Не то чтобы Ленка некомпанейская, совсем наоборот. Она всегда вписывалась в любую молодежную тусовку легко и сразу же становилась своей среди чужих. Вот и в этот раз ее приняли очень даже радушно и по-свойски. Но только чувствовала Ленка, что относятся к ней хотя и хорошо, но несколько снисходительно, по-матерински, что ли. И не потому, что все в этой новой для нее компании были старше ее как минимум лет на восемь, а скорее потому, что она со своими изумрудными, как у русалки, волосами и в шикарном длинном зеленом платье от Версаче, с двумя золотыми колечками пирсинга в правой ноздре выглядела нелепо среди одетых по-простому молодых женщин. Правда, их мужчины, друзья Захара, смотрели на нее с нескрываемым восторгом. Но и только. У Ленки было ощущение, что любят ее они ею, как моделью с красивого фото в модном мужском журнале, не больше.

Ленке было странно, что и Элька, и Маруся, и Таисия, и Павловна (как представилась ей самая старшая из молодых женщин) не завидовали ни ее модному и дорогому платью, ни молодости, ни красоте. Они просто и весело вовлекли ее в кухонную суету и безо всякой со стороны Ленки просьбы рассказывали ей о себе и о своих мужьях — боевых друзьях Захара, о детях, которых оставили в этот день с бабушками, о своих женских радостях и горестях.

Лена улыбалась, шутила и изо всех сил старалась не показать свою досаду. А ведь она так мечтала этот день, а уж тем более ночь, провести только вдвоем с Захаром! Даже с отцом поссорилась, который не хотел отпускать ее из дому и настаивал, чтобы она прежде познакомилась с своим молодым человеком, а уже потом отпрашивалась у родителей. Но Ленка была непреклонна. Обычно она, папина дочка, всегда слушалась отца и старалась ему угодить, но только не в этот раз. Захар в последнее время стал для нее важнее отца. Ленка влюбилась, и влюбилась по-настоящему, безоглядно и потеряв голову. Никакие разумные доводы и родительские посулы не могли остановить ее и оставить справлять Новый год дома, в Москве.

Ленка сама предложила Захару встретить Новый год у него. Вдвоем. Устроить романтический ужин при свечах. Захар тогда и обрадовался и смутился одновременно. Спросил, как на это посмотрят ее родители и, может быть, ему, Захару, стоит самому поговорить с ее от-

цом об этом, познакомиться, так сказать... Но Ленка упрямо отказалась, заявив, что она уже большая девочка и может сама решать, с кем ей праздновать Новый год, пообещав, что познакомит Захара с отцом позже, после праздника.

Ни Захар, ни Лена, занятые друг другом и своими чувствами, совсем не ожидали, что буквально за три часа до Нового года к ним в квартиру нагрянет целая компания из восьми человек. Все друзья Захара были женаты, а у трех пар даже появились дети, и только он никак не мог встретить девушку своей мечты и потому был холостяком. Его знакомили с разными девушками, но он оставался равнодушным ко всем.

И вот ему повстречалась Ленка. Она и сама до сих пор (прошло уже целых три месяца с их знакомства) не могла понять, что Захар в ней нашел такого, что заставило его влюбиться в нее чуть ли не с первого взгляда. Да и саму себя она с трудом понимала. Что привлекло ее в этом хотя и симпатичном, но старше ее на десять лет молодом мужчине? Захар совсем не походил ни на одного из ее знакомых парней. Впрочем, о своих одноклассниках Ленка не была высокого мнения, считая их или заумными снобами, или, наоборот, никчемными и глупыми маменькиными сынками.

В тесной кухоньке Захаровой квартиры было не повернуться. Четыре «боевые подружки», как называли себя молодые женщины, были скоры не только на язык, но и на руку.

Салаты и горячее они приготовили на раз и два из того, что принесли с собой. Делали все в основном сами, Ленка, которая не знала поначалу, как себя вести в их компании, была у них на подхвате. Да они и не подпускали ее слишком близко к процессу готовки — берегли ее платье.

— Леночка, где у Захара соль?

— Ленок, достань из холодильника колбаску.

— Ленчик, позови Захара, пусть он нам ножи наточит...

И Лена с улыбкой выполняла любую их просьбу. Иногда в кухню входил кто-нибудь из парней, и тогда Ленка вынуждена была выходить, теснота помещения не позволяла находиться там большому количеству народа. Стоя возле дверей кухоньки, Ленка смотрела, как в гостиной Захар и его друзья ставят стол и спорят за жизнь, пыталась поймать взгляд любимого, а когда он с чуть виноватой улыбкой смотрел на нее, она чувствовала, что бесконечно счастлива и любима.

— Девочки, у нас майонез закончился. — Павловна стояла у стола и недоуменно заглядывала в опустевшую банку.

— Давайте я сгоняю, — быстро предложила свои услуги Лена. — Маркет тут рядом, мне не тяжело. К тому же у меня и сигареты закончились.

Все девчата разом посмотрели на нее, и Павловна, которой было уже тридцать два года, скептически заметила:

— В своем узеньком платьице ты будешь шагать до магазина до самого его закрытия. Надо кого-нибудь из мальчиков послать. Они там все равно не знают, чем заняться.

Ленка выглянула из кухни и прокомментировала то, что увидела:

— Они там старый стол Захара чинят. На всю компанию одного столика, что на кухне, мало, вот они и колдуют над большим, но сломанным. Давайте я схожу, — нахмурилась она. — Мне проветриться нужно. Да и Ахмата заодно выведу.

— Точно! — воскликнула Элька. — Про Ахмата все забыли. Где он, кстати?

— Так вот он, на пороге, мордой к коридору лежит и на меня грустными глазами смотрит, — показала Ленка на дальневосточную овчарку, которая, положив крупную лобастую голову на лапы, терпеливо ждала, когда на нее обратят внимание.

— Он такой умница, — похвалила собаку Маруся. — Захар умеет с собаками обращаться. Вот какого помощника себе вырастил! Другой пес на месте Ахмата нам на кухне бы проходу не давал — такие запахи кого хочешь с ума сведут. А этот лежит и терпеливо ждет, когда его накормят и выведут.

Ленка уже пошла в прихожую и стала натягивать на себя новую норковую шубку с капюшоном, которую ей подарил накануне отец, когда к ней вышел Захар.

— Давай я с тобой пойду, — предложил он и потянулся взять пальто, но Ленка остановила его:

— Не надо. Останься. Я быстро схожу, туда и обратно. Не нужно гостей одних оставлять.

Захар подошел к ней и, обняв, притянул к себе. Он заглянул в Ленкины зеленые русалочки глаза и спросил:

— Ты обижаешься? Но я и сам не знал, что так получится. Я их предупредил, что буду с девушкой. Это Валентин всех с панталыку сбил, они и пришли с тобой познакомиться. Дивно им, что я — и с девушкой.

— Ничего я не обижаюсь, — улыбнулась Ленка. — Они все мне понравились. Очень милые у тебя друзья. Не такие, как все, к кому я привыкла. Они лучше, чище, правдивей. Как ты.

— Лен, это на одну ночь, а потом у нас с тобой будет еще целых два дня, — словно оправдываясь, Захар прижал Ленку к себе еще крепче и поцеловал.

Ленка почувствовала, что начинает таять в его объятиях, и поспешила освободиться.

— За нами наблюдают, — она шутливо скосила глаза, взглядом показывая на смотрящую на них снизу вверх овчарку. — Нам с Ахматом нужно воздуху свежего глотнуть. Магазин через двадцать минут закрывается. Так что мы пошли, а вы тут стол доделывайте.

Ленка с собакой вышла на морозный воздух и поежилась. Шубка шубкой, а ноги у де-

вушки — в одних лишь капроновых чулочках и совсем даже не в теплых сапожках. Приехала она во Владимир на машине, рассчитывала все эти дни просидеть в квартире у Захара, а поэтому теплых вещей с собой не брала. Глупо, конечно. А вдруг она и Захар соберутся погулять по городу? Джинсы-то у нее есть, а вот ноги долго на морозе в сапогах на рыбьем меху не выдержат.

Вздохнув, Ленка обратилась к Ахмату:

— Ну что, пойдём? Будешь меня от хулиганов охранять.

Овчарка поняла ее и, вильнув хвостом, пошла рядом. Поводок и намордник Захар на Ахмата никогда не надевал — знал, что пес обучен и без команды никогда ни на кого не бросится.

Магазин, где Ленка намеревалась купить майонез и сигареты, был буквально через дорогу от дома, где жил Захар. Народу на улице практически не было, лишь редкие прохожие иногда пробежали мимо Ленки, косились на собаку без намордника и спешили дальше. Ахмат на людей внимания не обращал и лишь иногда отбегал от Ленки по своим собачьим делам, но потом возвращался и виновато заглядывал ей в глаза. Она улыбалась ему, гладила по голове и приговаривала:

— И нечего виниться. Для того тебя и вывели. Так что если надо, то иди.

Возле самых дверей магазина Ленка командовала псу:

— Сиди и жди меня. Я быстро вернусь.

Ахмат послушно сел чуть в стороне от дверей и замер.

— Девушка, мы уже закрываемся! — поторопил Ленку охранник, и она бегом кинулась в тепло маркета, на ходу доставая из кармана кошелек, в котором лежала банковская карта.

Обратно Ленка шла не торопясь. Коленки у нее, правда, замерзли, но возвращаться в душную, полную народу квартиру она не спешила. Захотелось покурить, и Ленка достала тонкую ароматную дамскую сигаретку. Не то чтобы она курила по-настоящему, но иногда, когда настроение было подавленным, она могла выкурить за вечер две-три сигареты. Вот и сейчас она вдруг сильно захотела затянуться ароматным дымом и почувствовать фруктово-ягодный привкус Kiss у себя во рту.

— Вот черт, зажигалку забыла, — чертыхнулась Ленка, обшарив все карманы и не обнаружив в них, чем можно было бы раскурить сигаретку.

Она огляделась, надеясь, что кто-нибудь будет проходить мимо и даст ей прикурить. Но улица словно вымерла, только в небольшом отдалении от нее какой-то мужик суетился возле объемного багажника серебристого «Ленд Крузера». Немного подумав, Ленка направилась к мужчине, но, не доходя до него шагов десять, вспомнила об Ахмате и приказала овчарке:

— Сиди, жди меня тут. А то напугаешь еще человека.

Пес послушно уселся, но не спускал внимательных глаз с Ленки, пока она шла к незнакомцу.

— Мужчина, прикурить не найдется? — Ленка подошла и встала за спиной невысокого, но крепкого, судя по широкой спине, мужичка в дубленке и вязаной черной шапочке.

Тот, увлеченный своим делом, не заметил, как к нему подошла девушка, вздрогнул, когда услышал ее голос, и резко развернулся к ней лицом.

— Чего? — глуповато спросил мужичок. На вид ему казалось лет под сорок. Он шмыгнул своим курносым носом и уставился на Ленку маленькими, холодными, как у рыбы, глазами. — Че надо? — Он угрюмо посмотрел на девушку.

Ленка, не подозревая ничего плохого в эту новогоднюю и, в общем-то, счастливую для нее ночь, улыбнулась и протянула зажатую в пальчиках сигаретку.

— Огоньку, говорю, не будет? Зажигалку дома забыла. А вы что там грузите? Шампанское? — Ленка сделала шаг вперед и заглянула через плечо мужчины в багажник.

Лучше бы она этого не делала. То, что она там увидела, привело ее не просто в замешательство, а в шок. Она забыла, что хотела попросить прикурить, и про сигарету тоже забыла. Глаза ее округлились, и она начала тихонько пятиться от машины и от мужика, который, сузив глаза, смотрел на нее не мигая,

и во взгляде его ничего хорошего для Ленки не было.

— Ты откуда тут такая пряткая на нашу голову взялась? — раздался за спиной у Ленки голос.

Ленка, вздрогнув всем телом, повернулась и тут же была схвачена в крепкие тиски объятий второго мужчины, который незаметно подкрался к ней сзади. В отличие от первого — маленького и крепкого — этот был высокий и худой. Ленкино лицо оказалось как раз напротив его груди, обтянутой лохматым свитером.

— Она видела? — спросил он у маленького и кивнул в сторону багажника.

Тот молча и хмуро кивнул в ответ.

— Ну, и что мы будем делать? — поинтересовался худой.

Ленке совсем даже не понравился этот его вопрос. Она попыталась освободиться из крепких медвежьих объятий, которые прижимали ее руки к телу и не позволяли даже шевельнуться, так что Ленке оставалось только крутить головой. Она вспомнила про овчарку и громко крикнула:

— Ахмат, ко мне! Чужой! Фас!

Последнее слово она уже крикнула приглушенно. Ее затылок обхватили сзади крепкой, цепкой пятерней, и лицо ее с силой уткнулось в колючий свитер, пахнущий вонючими дешевыми папиросами и еще чем-то кислым и неприятным. Капюшон шубки мешал ей ви-

деть, наползая на лицо, но она слышала, как по снегу к ней несется на помощь большой и смелый пес. Пес, который вместе с Захаром бывал в горячих точках и служил в полиции, который был научен задерживать подозреваемых. Ленка пыталась отбиться, пыталась освободиться от того, кто ее держал, — она брыкалась, норовя наступить острым каблучком на ногу мужика, пыталась укусить его, прокусив толстый свитер, пыталась облегчить задачу Ахмату. Но вдруг услышала глухой, негромкий «бух» у себя под ухом и собачий взвизг. Потом снова «бух» и ругань худого:

— Кретин, ты весь квартал сейчас всполошишь!

— Не дрейфь, Шест. Забыл разве? Новый год — все фейерверки пускают, петарды взрывают. Или думаешь, что обыватель такой умный пошел и отличит звук выстрела из пистолета от взрыва петарды? Я тебя умоляю!

— Ты, Кот, меня не умоляй, — резко оборвал крепкого коротышку худой, — а говори, что нам с этой марухой делать. Настучит ведь, как пить дать настучит. А теперь еще и собаку ее грохнули.

— Че делать, че делать, — передразнил коротышка. — Давай ее в машину, а там видно будет. Нечего тут ее обнимать. Вдруг кто увидит. Тогда точно влипнем.

Капюшон с головы Ленки сняли и, схватив ее за изумрудные волосы, оторвали лицо от свитера худого.

— Нишкни, цыпа. Только вякни в голос, и урою тут же! — зашипел на нее тот, которого называли Шестом. — Поняла базар?

Ленка, с широко открытыми от страха глазами, молча кивнула. Слезы бежали у нее по щекам темными от потекшей туши дорожками. «Как же так? — испуганным кроликом метались в ее голове мысли. — Они что, Ахмата застрелили? Зачем я только к ним подошла? Теперь и меня тоже, как Ахмата и как этого... который в багажнике у них. Захар!» — мысленно крикнула Ленка, и слезы при воспоминании о любимом побежали у нее уже не ручьем, а неистощимым потоком.

ГЛАВА 1

Рождество как христианский праздник Лев Иванович Гуров начал справлять только три года тому назад. Да и то по настоянию жены и Натальи Крячко. Не то чтобы Мария Гурова и жена Станислава вдруг стали истинными христианками и начали соблюдать все православные традиции, получилось все как-то вдруг, само собой. Года три назад к ним с Машей ни с того ни с сего седьмого января пришли в гости Станислав Крячко с женой. Они принесли с собой какие-то салатки, запеченного гуся, пирогов, и Наталья прямо с порога заявила удивленным неожиданным появлением гостей хозяевам:

— А чего дома сидеть? Все люди радуются, празднуют, традицию русского православия возрождают, а мы что, не русские, что ли? Я так считаю, что в наше время нужно возвращаться к своим исконным корням и поддерживать все наше, русское. Так я говорю, Мария? Вот ты у нас человек творческий, интеллигентный, ты мне скажи, правильно я говорю?

— Правильно, — согласилась Маша и отправилась вместе с Натальей на кухню разогревать гуся и строгать нарезку из того, что

найдется в холодильнике. А нашлось там после празднования Нового года немало.

— Вы Орлову позвоните, пока мы тут все готовим, пусть тоже приезжает и присоединяется к празднованию, — подсказала Мария Льву Ивановичу.

Орлов в гости приехал и традицию одобрил. Так и повелось с того времени — праздновали Рождество, как и положено православным. Женщины даже на следующий год после почина на утреннюю рождественскую службу в церковь поехали. Мужья их ехать отказались, потому что где же это видано, чтобы полковники уголовного розыска ездили в церковь?

В этом году решили собраться снова у Гуровых. Мария, теперь уже заранее приготовившая и горячее, и пару салатов (остальное обещали привезти супруги Крячко), занялась сервировкой стола, а Лев Иванович в ожидании гостей задумчиво рассматривал содержимое бара.

— Маша, что вы с Натальей будете пить? Мы-то, мужики, как обычно — лучше коньячка все равно ничего нет. А вам, дамам, что достать?

— Лева, вот каждый раз одно и то же спрашивать не надоело? — Мария с улыбкой посмотрела на мужа. — Мы с Натальей, можно подумать, такие гурманки и любительницы выпить, что ты прямо в растерянности.

— Так ведь кто знает? А вдруг желание какое-нибудь новое появилось? — пробормотал

Гуров, доставая из недр бара белое сухое вино, которое обычно пили женщины.

Станислав Крячко — неизменный напарник, коллега и друг Гурова — в этот раз приехал хмурый и чем-то расстроенный.

— Не обращайтесь на него внимания, — махнула рукой на мужа Наталья. — Он сегодня не с той ноги поднялся. Говорит, что ему сон приснился плохой и что сегодня праздновать нам не придется. На работу вызовут и весь кайф обломают. А кто тебя, говорю, вызовет, если Орлов будет вместе с нами за столом сидеть? Но он уперся. Предчувствия, говорит, меня никогда не обманывали.

— Да, с этими их предчувствиями прямо беда, — согласилась с подружкой Мария. — И ведь что характерно, они практически всегда оказываются правы, — вздохнула она.

— Вот, а я что говорю, — нахмурился Станислав, внимательно рассматривая этикетку пузатой коньячной бутылочки.

— Станислав, а давай мы с тобой, пока никто нас еще никуда не вызвал, выпьем по пять грамм и всем предчувствиям козью морду покажем, — бодрым голосом предложил Лев Иванович.

— Что, и Петра ждать не будем? — покосил на друга Крячко.

— А чего его ждать? — коварно усмехнулся Гуров. — Он даже в выигрыше останется. Мы ему, как опоздавшему, штрафную рюмочку нальем.

— Тогда давай, пока не началось, — уже веселее ответил Крячко.

Выпить они не успели — в дверь позвонили, и Мария крикнула из кухни, что она занята и открывать дверь прибывшему Орлову Лев Иванович должен сам. Вздыхнув, Гуров направился в прихожую и вернулся из нее уже в сопровождении Петра Николаевича, общего их со Станиславом друга, генерала, а заодно и начальника Главного управления уголовного розыска России — того самого, где Крячко и Гуров работали уже больше двадцати лет.

— Нос у тебя, Петр, как у ищейки — чует, где коньяк наливают. Только решили со Станиславом предчувствия обмануть и выпить, как ты на порог.

— Какие вы там еще предчувствия обманывать собрались? — потирая руки и проходя ближе к кухне, поинтересовался Орлов. — С праздником вас, дамы, — поздоровался он с Натальей и Марией и добавил: — Погодка на улице прямо-таки весенняя. Чудно — в начале января и такая оттепель! — Потом он повернулся к Гурову с Крячко и переспросил: — Так что там у вас за предчувствия?

— Давайте сначала выпьем, а потом уже Станислав тебе все и расскажет, — ответил Лев Иванович, наливая Орлову.

— Вы что же, пять минут подождать не можете? — Из кухни вышла Наталья с блюдом фруктов в руках. — Успеете еще. Лучше помогите мне все на столе расставить.

Мужчины дружно вздохнули и цепочкой потянулись к дверям кухни. Через пять минут все уже сидели за праздничным столом.

— Ну, теперь-то можно? — спросил Лев Иванович, покосившись на Наталью.

— Нам тоже налейте, а то нечестно как-то получается, — приподняла тонкую бровь Мария.

Крячко дотянулся до вина и начал было наливать, как вдруг Наталья прислушалась, склонив голову набок, а потом спросила:

— Чей там телефон в прихожей песни поет? Станислав, ты свой в кармане оставил? У меня-то в сумочке.

— Нет, мой телефон тут, в кармане, — Крячко похлопал по карману пиджака.

— Это мой, — встал Орлов и быстрым шагом вышел в коридор.

— Это они, — упавшим голосом заявил Крячко и посмотрел на Гурова.

— Кто они? — не понял Лев Иванович.

— Предчувствия, — многозначительно ответил Станислав.

Все притихли, прислушиваясь. Орлов все не возвращался, хотя телефон уже перестал звонить и все услышали, что он с кем-то разговаривает.

— Лева, ты как хочешь, а я выпью, — решительно заявил Станислав, поднимая свою рюмку. — Если нужно, так я тогда лучше пешком на работу пойду. А еще лучше — до завтра все подождет.

— Всем привет и поздравления от министра, — в комнату вошел Орлов и с усмешкой посмотрел на Крячко. — Только что звонил и поздравлял лично. Ну чего ты, Станислав, так на меня смотришь? Коли рюмку взял, так ставить ее обратно на стол — плохая примета.

Все облегченно рассмеялись и принялись поздравлять друг друга с праздником...

Утром Гурова разбудил звонок сотового. За окном было еще темно, и, чтобы не разбудить Марию, он быстро выскользнул из постели и, прихватив телефон, направился на кухню. Звонил Орлов.

— Тебе чего не спится? Коньяк не зашел? — сонно спросил Лев Иванович. — Рано ведь еще.

— Это тебе рано, — буркнул в ответ начальник.

Гуров по голосу Петра Николаевича почувствовал, что Орлов сейчас больше начальник, чем друг и товарищ, а поэтому уже серьезно спросил:

— Что случилось-то?

— Черт бы побрал этого Крячко с его предчувствиями, — ответил генерал. — Давай, поднимай его из постели и приезжайте на работу. Да заправься по дороге, поедете с ним в Суздаль. Накаркал Станислав — там... Впрочем, не по телефону. Приедете, я все расскажу на месте. — Орлов отсоединился, а Гуров, вздохнув и пригладив волосы на затылке, стал набирать номер телефона Станислава.

Тот, словно бы только и ждал этого звонка, сразу же ответил шепотом:

— Выкладывай.

— Да я и сам еще ничего не знаю, — ответил Гуров. — Петр только что позвонил и велел к нему подъехать. Говорит, что в Суздале какое-то ЧП и без нас там не разберутся. Сколько хоть времени?

— Половина седьмого, — так же шепотом ответил Крячко. — Во сколько тебя ждать? Кофе-то хоть выпить успею?

— Пей, — снисходительно позволил Лев Иванович. — Я и сам еще неумытый, неодетый и непроснувшийся. Не раньше чем через полчаса к тебе доберусь.

— И то радость, — усмехнулся Станислав и дал отбой.

— Ты чего тут с утра пораньше по телефону шушукаешься в темноте? — На кухню вошла Мария, включила свет и села рядом с мужем. — У твоего Крячко предчувствия сбылись?

— Сбылись, — усмехнулся Лев Иванович. — Орлов намекает на командировку в Суздаль.

— М-м-м, Суздаль... — мечтательно улыбнулась Мария. — Красивый городок. Помнишь, мы как-то в нем с тобой побывали. Давно, правда, это было.

— Вот, похоже, что теперь без тебя буду всеми достопримечательностями любоваться, — нахмурился Гуров. — Если время на это, конечно, будет.

— Иди умывайся, одевайся. Я тебе кофе поставлю да в дорогу что-нибудь соберу, — встала со стула Мария.

— Много не нужно. Термос с крепким чаем лучше приготовь. Я деньги возьму с собой. Не бойся, голодным не останусь. Вчера на целый год наелся.

— Вот и будете с Крячко доедать, что вчера не съели, — рассмеялась жена, подталкивая Льва Ивановича к выходу из кухни.

В половине восьмого оба оперативника уже стояли в кабинете Орлова. День был нерабочий, а потому секретарши на месте не оказалось, да и вообще народу, кроме дежурных, в управлении никого не наблюдалось.

— Чего встали как пни, садитесь, — Орлов кивнул на стулья. Сам он садиться не собирался и стоял возле окна, заложив руки за спину.

— И что там, в Суздале, такого срочного? — осторожно поинтересовался Лев Иванович, видя, что генерал не очень торопится рассказать им все новости.

— Меня сегодня в шесть утра подняли, — скептически посмотрев на свое отражение в темном оконном стекле, ответил Орлов. — Случай, прямо скажу, неприятный и неординарный. Хотя что я говорю? Неординарным и неприятным можно назвать всякое убийство человека. А уж тем более — молодой девушки. Но тут... — Генерал вздохнул, нахмурился еще больше и опустил голову. — У меня племяннице восемнадцать лет, совсем еще девочка.

В общем, ассоциации... — Он помолчал и продолжил: — Вчера вечером в полицию города Суздаля поступил звонок. В снежном городке на центральной площади был найден труп молодой девушки лет восемнадцати-двадцати. Тело было спрятано... Да, наверное, так нужно сказать — спрятано в одной из снежных фигур. Изображающей Русалочку, кажется. Представляете? — Орлов повысил голос и, резко повернувшись к подчиненным, гневно рубанул ребром ладони воздух перед собой. — Мало гадам, что убили молоденькую девочку, так еще и в снежный куб затрамбовали и русалочку вырезали. Словно в издевательство. Не постеснялись в самый центр города привезти и поставить. А ведь там дети — на площади-то!

Орлов четким размеренным шагом прошагал к своему столу, но садиться не стал, а сжал руками спинку кресла так крепко, что Гуров с Крячко заметили, как побелели у генерала пальцы.

Сыщики молчали, не зная, что ответить начальнику и другу на его справедливую гневную тираду. Они представили себе всю картину этого ужасного преступления и опустили головы, задумавшись над людской жестокостью. Им, оперативникам с большим стажем и опытом работы в уголовке, приходилось сталкиваться и с куда как худшими преступлениями. Но и их потрясла циничность и наглость преступников, которые не постеснялись чуть ли не в открытую заявить о себе. Наверняка изверги пони-

мали, что привлекут внимание к своему преступлению, и таким вот образом бросали вызов органам правопорядка, будто говоря: вот, мол, мы какие лихие и бесстрашные, попробуйте поймите нас.

— Подробности какие-то известны? — спросил Крячко, мало надеясь на получение этих самых подробностей от своего начальника.

— А ты сам как думаешь? — хмыкнул Орлов. — Местные вчера и успели только, что увезти это снежное... не знаю даже как называть, — тяжело вздохнул он. — Растопили снег и вынули тело. Теперь им медэксперт занимается. Кто эта девушка... — генерал пожал плечами. — Надеюсь, что к вашему приезду ее опознают. Городок на площади оцеплять не стали — смысла нет. Там народу уже побывало за эти дни тьма-тьмушая.

— А сама эта снежная русалочка сколько там находилась? — поинтересовался Гуров.

— Вот и будете все на месте выяснять, — коротко ответил Орлов. — И чтобы меня в курсе держали. Ясно?

— Как обычно, Петр Николаевич, как обычно, — кивнул Станислав.

— Что-то еще или уже можно идти? — Лев Иванович выжидательно посмотрел на начальника.

— Вы там сразу, как приедете, спросите Петровского. Он вас в курс дела введет и все расскажет, помощь, какую надо, выделит. Дело серьезное, — задумчиво сказал Петр Нико-

лаевич и добавил, покачав головой: — Это ж кем нужно быть, чтобы до такого варварства додуматься?!

От столицы ехать до Суздаля надо было часа три. Удрученные нежданной поездкой и неприятной информацией, которую выложил им Орлов, сыщики долго молчали, обдумывали ситуацию. Первым нарушил молчание Станислав:

— Есть какие-то предположения по поводу личности убийцы?

— Информации у нас пока еще мало, чтобы строить предположения, — выдержав небольшую паузу, ответил Гуров. — Одно ясно — сделать такое с молоденькой девушкой мог только больной на всю голову маньяк или...

— Или это некое послание, — продолжил Крячко.

— Послание, предупреждение, привет... Какая разница, как это назвать? Но вполне возможно, что сделали это не ради развлечения, а с каким-то умыслом. Знать бы еще с каким.

— Будем искать, — согласно кивнул Крячко, и оба сыщика снова надолго замолчали. И только когда уже подъезжали к Суздалю, Станислав заметил: — Если бы не эта рождественская оттепель, то еще неизвестно, когда бы тело обнаружили — может, только к весне.

— А может, и вовсе никогда, — нахмурился Лев Иванович. — Куда потом эти снежные статуи из города после праздников вывозят? В реку скидывают или на свалку — кто знает?

- Городская администрация должна знать.
- Надо будет уточнить этот момент.
- Зачем? Наше тело ведь уже никуда не вывезут, — резонно заметил Крячко.
- Ну, мало ли... Всякое знание когда-нибудь пригодится, — ответил Лев Иванович.

ГЛАВА 2

Найти начальника суздальского МВД оказалось делом несложным. Петровский Аркадий Сергеевич сидел в своем кабинете и вычитывал какие-то бумаги, когда дежурный проводил к нему Гурова и Крячко. Полковник встал и, поздоровавшись с оперативниками за руку, сразу же приступил к делу.

— Не будем отвлекаться на вежливые, но никому не нужные политесы и расспросы. Давайте-ка я сразу вам расскажу все, что известно на сей момент, — сцепив пальцы в замок и серьезно глядя на московских коллег, сказал он. — Тело девушки в возрасте восемнадцати-двадцати лет было обнаружено вчера в девять вечера двенадцатилетним подростком Ильей Матвеевым. По рассказу свидетеля, он с друзьями играл в городке и в какой-то момент, пробегая мимо одной из снежных фигур, а если конкретно, то фигуры Русалочки, задел ее за руку. По всей видимости, он не просто ее задел, а ударил по ней палкой, — ухмыльнулся полковник. — Пацан, что с него возьмешь, —

покрутил он головой. — Снег с руки упал, оттепель сделала свое дело, и он подтаял, а на месте снежной руки мальчик увидел настоящую, человеческую руку. Парень, конечно же, сначала растерялся...

— Представляю, — кивнул Лев Иванович. — Я бы и сам перепугался, а тут мальчишка.

— Не скажите! — возразил Петровский. — Нынче дети пошли отважные и непуганые. В интернете такого насмотрятся, что им сам черт нипочем. Испугаться парень не испугался, но дружков своих на такое «чудо» позвал посмотреть. А когда они насмотрелись вдоволь, то один из них позвонил своему отцу и рассказал о находке. Папенька, сами понимаете, праздник отмечал и поначалу не поверил сыну, но потом все-таки пришел, заодно пообещав надрать всем уши, если они его разыгрывают.

— А что, взрослых в это время на площади никого не было? Вроде бы как не поздно — девять-то часов, — уточнил Крячко.

— Какое там, — махнул рукой Петровский. — Вот вы сами вчера вечером чем занимались? — Он с ехидной ухмылкой посмотрел на Гурова и Крячко, и те опустили глаза. — Вот-вот! В общем, звонок от гражданина Тельникова Алексея Валериановича поступил к нам в девять часов тридцать пять минут. Сначала на место приехал дежурный оперативник. Так сказать, для проверки вызова. Потом он отзвонился мне, и мы с ним решили связаться с мэром. Тот дал добро на вывоз... э-э-э... снежной

скульптуры. Не доставать же тело прямо на площади. Приехали грузовик и кран, загрузили, отвезли к нам во двор, — полковник махнул рукой в сторону окна. — Все данные свидетелей переписали, но пока что никого не опрашивали. Ребята с соседней стройки, благо там бригада одна еще работала, свет прожекторами на наш задний двор направили и горелками аккуратно снег растопили, девушку достали и передали судмедэксперту. Сразу пробили по нашей городской базе данных на предмет заявлений о пропаже. Девушка, по всей видимости, не из Суздаля, — вздохнул он. — Варежкин сейчас сидит у себя в кабинете и пытается определить, кто она такая и откуда.

В дверь постучали, и в кабинет заглянул лохматый, рыжеволосый и конопатый парень лет тридцати.

— Заходи, Варежкин, только про тебя вспомнил! — обрадовался Петровский. — Ну что, нашел?

— Нашел, Аркадий Сергеевич, — шагнул в кабинет парень и, добродушно поздоровавшись с сыщиками, добавил: — Из Москвы она, Ащеулова фамилия, Елена Валерьевна. Девятнадцать лет. Заявление о пропаже, а вернее о похищении, было подано сразу двумя лицами — отцом и неким Пантелеевым Захаром Дмитриевичем — первого января. Но подано почему-то во Владимире.

— Что значит почему-то? — не понял Петровский.

Варежкин пожал плечами.

— Откуда пропала, оттуда и заявление подали. Наверное, она из Москвы во Владимир приехала на праздники, — бодро предположил оперативник.

— Ты сядь, — Петровский приглашающе указал подчиненному на стул. — И познакомься с коллегами из Москвы. Они будут это дело вместе с тобой расследовать. Так ты говоришь, что она была похищена первого января? Откуда такие сведения?

— Антон, — представился Варежкин Гурову и Крячко. — Похитили ее не первого, а тридцать первого, это заявление первого числа было написано, — уточнил он. — А о том, что ее похитили, я узнал, позвонив во Владимир по телефону, который оставлен для информации. Для тех, кому есть что сообщить о девушке. В общем, я пока ничего не предпринимал, не говорил, что ее нашли, решил сначала все вам доложить.

— А это точно она — Ащеулова? — засомневался Крячко.

— По фото и по описанию судить — так похоже, — снова пожал плечами Варежкин. — Но нужно вызывать отца для опознания. Тогда уже точно можно будет сказать — она или не она.

— Девушка была одета, когда тело достали из снега? — спросил Лев Иванович.

— Верхней одежды на ней не было. Только платье и чулочки. Ни обуви — сапожек замшевых на шпильке, ни шубки, как написано

в описании внешности, — ничего не было. И вещей при ней, значит, тоже никаких. А вот платье ее — оно под описание очень даже подходит. Красивое такое, изумрудного цвета, длинное, от Версаче. В общем, дорогое платье.

— Так, — постучал пальцами по столу Петровский. — Значит, нужно будет вызывать ее отца и этого, как там второго зовут... Ну, кто заявление подавал. Его фамилия Пантелеев? — вопросительно посмотрел он на Варезкина, и тот согласно кивнул. — А он вообще кто такой, этот Пантелеев? Родственник или...

— Не знаю, — Варезкин в третий раз пожал плечами. — Говорю же, не уточнял еще ничего.

— Ладно, понял, — хлопнул ладонью по столу Петровский. — По крайней мере, у нас есть от чего отталкиваться. Сейчас я вызову нашего медэксперта, посмотрим, что он нам скажет, и тогда уже начнем дальше работать.

Судмедэкспертом оказалась женщина сорока — сорока пяти лет, чуть полноватая, но фигуристая дама с короткой модельной стрижкой и сильно накрашенными глазами.

— Ольга Александровна, — представилась она сыщикам и сильно, по-мужски, пожалала обоим полковникам руку.

— Вскрытие уже производили? Время смерти установить получилось? — спросил ее Петровский.

— Ох, ну о чем вы говорите, Аркадий Сергеевич! Девушку, можно сказать, заморозили как мамонта. Все процессы затормозились.

Судить о времени наступления смерти можно, только зная, когда она пропала и с какого времени эта Русалочка появилась в снежном городке.

— Первого числа было заявление о пропаже девушки, — подсказал Варежкин.

— Уже установили личность? — повернулась к нему медик.

— Предположительно, — вздохнул Петровский.

— Что ж, вполне себе вариант, — согласилась Ольга Александровна. — Возможно, что ее убили и первого числа, а возможно, что и третьего или четвертого. Узнаете, когда на площади появилась фигура Русалочки, — узнаете примерное время убийства. Точнее не получится.

— Логично. Что там по поводу остальных? — Петровский кивнул, давая добро на доклад.

— Я еще не оформила отчет. Но могу сказать коротко, что смерть наступила в результате удушения. Причем, скорее всего, убили девочку, положив на лицо подушку или еще что-то, что перекрыло доступ кислорода в легкие. Следов изнасилования нет. Синяки только на запястьях. По всей видимости, ее держали за руки, чтобы не сопротивлялась. Возможно, что убивали двое. Один держал руки, другой, сев девушке на ноги, закрыл ее лицо подушкой. Все характерные признаки указывают именно на этот способ убийства. Платье, чулки и белье

забрали в лабораторию. Ребята потом подробнее расскажут, что узнали. Если говорить о содержимом желудка, то последний раз девушка...

— Ольга Александровна, вы извините, что перебиваю, но все это мы можем прочесть потом в отчете, — перебил ее Гуров, который терпеть не мог всех этих медицинских подробностей.

— Но другого я вам ничего сказать не могу, — развела руками судмедэксперт. — Снег и холод свое дело сделали — тело было заморожено и распаду не подверглось.

— Что ж, тогда спасибо вам, и ждем письменного отчета, — подвел итоги Петровский. Эксперт ушла, чуть покачивая полными бедрами.

— Давайте сделаем так, — предложил Лев Иванович. — Сейчас мы со Станиславом Васильевичем и Антоном поедem на площадь, посмотрим обстановку, поговорим со свидетелями. Не мешало бы и с мэром поговорить. Такое возможно? — он посмотрел на Петровского.

— Так наверняка, — кивнул тот. — Дело-то серьезное. Можно сказать, что в самом центре города случилось ужасное ЧП. Так что куда он денется, мэр? Согласится на встречу обязательно. На какое время встречу удобно назначить?

— Давайте часов на... — Гуров посмотрел на часы, — на два часа дня. Время послеобеденное, и, думаю, оно всех устроит. Но сначала нужно все-таки созвониться с отцом девушки и пригласить его на опознание тела. Антон, сделаете?

— Да, сейчас прямо и позвоню, — серьезным тоном ответил оперативник и встал из-за стола. — Думаю, минут через десять вернусь.

— Давай, двигай, — одобрил начальник. — А я пока гостей кофе напою. Люди с дороги все-таки.

ГЛАВА 3

На центральную площадь города поехали на служебной машине. За рулем был Варезкин, который оказался весьма разговорчивым парнем и рассказал по дороге все подробности вчерашнего вызова на место происшествия.

— Я такого еще никогда не видел, — недоуменно рассказывал он, — чтобы человека в снег утрамбовывали. А тут девушка, да еще такая молоденькая. Когда ее вчера из снега доставали, мне настолько не по себе стало, что думаю — найду этого гада обязательно, кем бы он ни был и где бы ни прятался! Кто на такое способен, должен на пожизненном сидеть. Псих какой-то. Так издеваться! Мало того, что упрятал убитую в снег, так еще и оформил в сказочный персонаж.

— Да, приятного мало, — согласился Крячко. — Слушай, Антон, ты с отцом ее говорил, он не сказал, когда подъедет?

— Мы в четыре часа встретиться договорились у городского морга. Мужик, судя по голосу, очень расстроился, но сказал, что приедет

обязательно. Кстати, я по-быстрому справки о нем навел — он, оказывается, не последний человек у вас там в Москве. Он один из инвесторов по городскому строительству, и у него две большие конторы по недвижимости. Небедный, значит. У меня тут даже мысль шевельнулась. Может, это на него кто-то давит? Наступил он на мозоль какому-нибудь криминальному авторитету, тот его через дочку и решил приструнить. Обычное, в общем, дело. Классическое.

— Может, и так, — согласился Лев Иванович. — Изнасилования не было — значит, мотив похищения был не сексуальный. Уж больно вся эта постановка с Русалочкой на некое послание похожа. Вот только одно непонятно. Богатый папа — в Москве, а послание оставляют — в Суздале.

— Может, у этого инвестора и в Суздале какие-то интересы есть, — предположил Крячко. — Влез, как говорится, не в свой огород, вот и предупредили.

— Обычно предупреждение под нос получателю отправляют, а не прячут в снег и не выставляют в центре другого города, — пожал плечами Варезжин.

Гуров обратил внимание на эту странную привычку молодого оперативника — всегда пожимать плечами в лад и невпопад, и невольно улыбнулся.

— Ну, это не обязательно — под нос послание отправлять, — ответил он Антону. — Ино-

гда, чтобы человека напугать, и не такие финты выделывают. Но почему именно Русалочка, а не Снегурочка, например, или не фея? Вот в чем вопрос. Может, именно в этом персонаже и кроется загадка?

— Ах, так вы же девушку не видели! — Антон стал выруливать на стоянку возле площади. — Эта Елена Прекрасная просто внешне очень на русалку похожа. Сама такая тоненькая, стройная, глаза большие, зеленые, и волосы тоже зеленые.

— Что значит — волосы зеленые? — не понял Крячко.

— Выкрашены в зеленый цвет, — пояснил Варежкин. — Красивая девушка, надо сказать. Личико как у киношной Русалочки. Знаете, есть такой фильм-сказка. Я в детстве еще смотрел.

— Ну, раз ты так говоришь, значит, так оно и есть, — согласился Крячко, выходя из машины. — Вот ведь погода! Январь на дворе, а вместо снега дождь с неба льет. — Станислав надел на голову капюшон куртки.

— Это плохо, — ответил ему Гуров. — Мороз ударит — такой гололед начнется на дорогах, что и шипованная резина не поможет. Ну, веди нас, Сусанин, к месту, где Русалочка стояла.

Втроем они прошли к середине площади, и Антон, подойдя к очерченному на подтаявшем снегу красной краской кругу, сказал:

— Вот тут она и стояла. Мы место специально поместили — вдруг пригодится.

Лев Иванович и Станислав оглядели площадь. Администрация постаралась и заказала некой фирме отменный снежный городок. Были в нем и ледовый дворец, и большая горка, и крепость, и несколько ледовых фигур, и большие снежные статуи Деда Мороза со Снегурочкой. Посредине площади, неподалеку от места, где стояли сыщики, высилась городская елка. Вся площадь по периметру была обвита гирляндами и разноцветными лампочками, которые сейчас уже были выключены и качались на сыром и промозглом ветру, словно погремушки над детской коляской.

— Я обратил внимание, — сделал рукой круг Варезкин, — что Русалочка не совсем вписывается в тематику снежного городка.

— В каком смысле не вписывается в тематику? — недоуменно огляделся Крячко.

— Ну как же, Станислав, посмотри. — Гуров тронул напарника за рукав. — Все фигуры — зверушки, кроме Деда Мороза со Снегурочкой, конечно. А тут — Русалочка, существо мифическое.

— Ну и что? — не понял Крячко. — Вот, возле нас еще Щелкунчик стоит. Он тоже не вписывается в тематику.

Гуров и Варезкин воззрились на снежного Щелкунчика, который стоял неподалеку от них, а потом Антон по своей привычке пожал плечами и ответил:

— Предыдущий год годом Крысы был. Может, поэтому и поставили Щелкунчика. Ведь

в сказке именно он прогоняет королеву крыс Мышильду. Так что вполне даже к месту этот Щелкунчик. Ну что, будем со свидетелями разговаривать? — сменив тему, спросил оперативник. — Этот Тельников, который вызвал полицию, вон в том доме живет. — Антон указал на двенадцатиэтажку неподалеку от площади.

— Будем, — задумчиво глядя на Щелкунчика, подтвердил Гуров.

В квартире, где проживал свидетель Тельников, им долго никто не открывал. Только после четвертого настойчивого звонка за дверью раздалось хриплое:

— Кого там принесло?

— Уголовный розыск, — строгим казенным голосом ответил Варежкин. — По поводу вчерашнего происшествия. Открывайте, Алексей Валерианович, нужно поговорить.

— Сейчас открою, оденусь только, — ответили из-за двери, и снова наступила тишина.

Открыли оперативникам только минут через пять, когда терпение Варежкина уже начало иссякать.

— Входите уже. Только беспорядок у нас. Но вы внимания не обращайтесь. Праздники ведь. — Дверь на этот раз отворила женщина. Заспанная, в мятом халатике, с волосами, торчащими из наспех зачесанной под ободок прически.

В квартире пахло перегаром, дешевым табаком, кислой капустой и чем-то пригоревшим. По комнате, в которую вошли оперативники, ■

гулял ветерок, но форточки, по всей видимости, открыли только что, и поэтому свежий воздух еще не успел выветрить все запахи вчерашней попойки.

— А хозяин-то где? — оглядываясь, спросил Лев Иванович.

— Умывается, — коротко бросила хозяйка и быстренько прибрала с дивана валявшийся на нем какой-то предмет женского гардероба. — Садитесь, — пригласила она, — сейчас выйдет.

Крячко и Варежкин с опаской сели на старенький диван, а Лев Иванович остался стоять. Он с интересом рассматривал убогую обстановку гостиной и думал: насколько же все-таки такие квартиры пьющих людей похожи одна на другую! Тот же старый, потертый и засаленный диван, стол, застланный полинялой скатертью и заставленный остатками еды и бутылками, небольшая стенка еще советских времен, но со слоем пыли времен нынешних, и новенький, блестящий плоским черным экраном, купленный в кредит телевизор...

— Вот, я готов, — раздался бодрый, но все еще хриплый с перепою голос хозяина, и сам он появился во всей своей красе. Чисто умытый, но небритый, чисто одетый, но в невыглаженной рубашке и трениках, вытянутых на коленях. Приглаживая мокрые реденькие волосы, Тельников цыкнул на стоящую в дверях хозяйку: — Чего встала-то? Иди, чайник гостям поставь.

— Да мы вообще-то не в гости, Алексей Валерианович, — серьезно глядя на мужчину,

сказал Гуров. — Мы по делу. А поэтому пусть ваша хозяйка не суетится. Не нужно чайник, — обратился он к женщине. — Мы пару вопросов зададим и уйдем.

— Так и ладно, — отчего-то смутился Тельников. — Задавайте, отвечу, что знаю. Только ведь я ничего и не знаю. Меня сын на улицу позвал, это он с друзьями эту, это... в общем, тело нашел. А кто там был-то? — Он посмотрел на Варежкина, и глазки его блеснули каким-то нездоровым интересом.

— Девушка там была, молоденькая, — ответил за Варежкина Крячко и спросил: — А сын у вас где?

— Так он у дружка своего, у Илюхи Матвеева. Илюха это... эту и нашел. Вернее, руку.

— Угу, — задумчиво произнес Лев Иванович. — А Илюха этот — он далеко живет?

— Так вот, на третьем этаже у нас в подъезде и живет, — ответил Тельников. — Если надо, то мы его живо позовем, сына-то. Да, мать?

Женщина кивнула и выжидательно посмотрела на Гурова. Лев Иванович, в свою очередь, посмотрел на Крячко и Варежкина. Те тоже дружно кивнули, и полковник дал добро на доставку мальчика в квартиру.

Женщина вернулась минут через пять. За ней с любопытством, отражавшимся на размянутых лицах, шли два подростка лет двенадцати-тринадцати. Гурову даже на мгновение показалось, что они братья-близнецы — так мальчишки были похожи. Оба светленькие, ■

круглолицые, сероглазые, одного роста. Вот только форма носа и губ у мальчиков была различной и на коже лица одного из них явственно пробивались конопушки, рассыпанные по переносице и щекам.

— Вот, — торжественно указал на мальчиков Тельников, — это сын мой Георгий и друг его — Илья Матвеев. Че встали как пни? — обратился он к нерешительно топтавшимся на пороге пацанам. — Поздоровайтесь.

Мальчишки робко протянули руки и по-мужски, с рукопожатием, поздоровались со всеми тремя оперативниками.

— Ну и кто из вас первый обнаружил, что русалочка с «секретом»? — улыбнувшись только одними глазами, спросил Лев Иванович. Ему понравились эти серьезные на вид ребята.

— Я, — с вызовом в голосе ответил один из мальчиков.

— Тебя Ильей зовут? — уточнил Гуров, и мальчишка кивнул. — Вот и расскажи, Илья, как все произошло. Вы часто на площади играете?

— Так они постоянно на улице. Все каникулы. А чего им дома-то сидеть? — встрял Тельников, но Варежкин посмотрел на него так, что тот быстро умолк и, смущенно крякнув, отвернулся.

— Да, — подтвердил слова Тельникова Илья. — Как городок построили перед Новым годом, так мы там постоянно и гуляем. Во дворе скучно, а там и крепость есть, и горка.

Так что как на улицу выходим, так на площадь и идем.

— Мы даже видели, как этот городок и елку собирают, — вставил свое слово Георгий. Илья, согласный с другом, кивнул.

— Так. Теперь расскажите о том, что случилось вчера, — снова попросил Лев Иванович.

Илья почесал голову и, немного подумав, ответил:

— Мы, как обычно, вышли на улицу часов в шесть вечера и на горке сначала катались. Но все таяло, и ледянки все время в лужу, которая под горкой натаяла, въезжали. Нам и надоело. Начали в догонялки играть. А потом... — паренек замаялся.

— Говори как есть, мы не кусаемся, — усмехнувшись, подбодрил мальчика Варежкин.

— Баловаться начали, — нехотя признался паренек. — Забирались на снежные фигуры и прыгали с них, потом я палку подобрал и как саблей стал ею махать и... делал вид, что сражаюсь с врагами.

— Мы сначала между собой сражение устроили на палках, — подсказал Георгий. — А потом стали просто бегать и по ледяным фигурам лупить.

— Долупился, оболтус, — хмуро посмотрел на сына Тельников. — Тебя самого давно не лупили, видать, — погрозил он мальчику, и тот обиженно поджал губы.

— Бить детей непедагогично, нам Тамара Семеновна говорила, — заступился за друга

Илья, искоса глянув на реакцию отца Георгия, а потом на Гурова, как бы спрашивая у него поддержки в таком важном для детей вопросе. Лев Иванович одобрительно улыбнулся, и Илья уже смелее продолжил свой рассказ: — Я не думал, что она возьмет и разобьется — рука-то! Просто стукнул по ней. А она возьми и отвалилась. Не вся, а снег только. А под снегом что-то такое светлое оказалось. Я думал сначала, что это палка, может, на которую снег накладывали, чтобы придать фигуре позу нужную. Ну и подошел поближе посмотреть. А там не палка была вовсе, а рука. Я думал, что манекен. Но потом пригляделся и увидел, что настоящая это рука, только ледяная.

— Испугался? — спросил Илью Варежкин и сочувственно посмотрел на мальчика.

— Не-а. Просто удивился сначала. А потом — да, испугался немного и ребят — Гошку с Виталиком — позвал, чтобы посмотрели.

— Ага, не испугался! — Георгий с усмешкой посмотрел на друга, а потом, обращаясь к оперативникам, добавил: — Он когда нас позвал, то сам белый, как Снегурочка, был, одни конопухи на носу желтели, — хмыкнул паренек. — Че говоришь, что не испугался? Испугался же!

— Я и говорю, что испугался, потом уже, когда понял, что рука настоящая, — насупился Илья. — А сам-то ты, что ли, не струхнул?

— Я-то нет, — приосанился Георгий. — Это Виталик сразу домой засобирался.

— Ну хорошо, — перебил их перепалку Гуров, едва сдерживаясь, чтобы не улыбнуться. — Налюбовались рукой, и что дальше?

— Так вот, я бате позвонил, — посмотрел на отца Георгий. — У Ильи мать не разрешает телефон на улицу брать, он у него дорогой — айфон, — с завистью в голосе сказал Георгий. — А у меня — простой. Я всегда его с собой беру. Вот и позвонил.

— Я сразу-то им не поверил. — Тельников, который все это время стоял и нетерпеливо топтался у окна, подошел поближе. — Но голос у Георгия был слишком уж возбужденный для шуточек. Да у меня и не пошутишь шибко-то! — Он многозначительно посмотрел на сына, и тот с готовностью кивнул, подтверждая отцовские слова. — Надел куртку, вышел и убедился, что такое вот дело, а потом в полицию позвонил. Пацанов оставил на улице караулить, чтобы никто не подходил к этой Русалочке близко, а сам побежал, чтобы потеплее одеться. Так полиция быстро приехала. И полчаса не прошло, — добавил он, с уважением посмотрев на Варезкина.

— И все? — спросил Гуров.

— Ну да, и все, — ответил Тельников.

— Никто, пока вы там стояли, к вам не подходил и ни о чем не спрашивал?

— Не, никто не подходил, — помотал головой свидетель. — Так и народу-то не было никого. Пара ребятишек на горке кувыркалась и мои вот, — он кивнул на мальчишек, — рядом стояли.

— Ребята, а вы, когда гуляли, никого поблизости подозрительного не видели? Может, наблюдал кто-то со стороны?

— Нет, никого не было, если вы имеете в виду чужих. Все только свои были, — ответил за двоих Георгий. — Мы же тут всех знаем или в лицо, или даже по имени. Не, чужих никого не видели.

— Так центральная же площадь в городе! Даже если и был кто не с соседних дворов, то кто ж его разберет, гуляет человек или специально наблюдает, — решила вставить свое слово хозяйка.

— Тоже правильно, — задумчиво кивнул Лев Иванович и сказал: — Ну что же, спасибо за информацию. Больше пока вопросов у нас нет. У вас тоже нет? — Он посмотрел на Крячко и Варежкина.

— Пока нет, — ответил Крячко.

Они стали прощаться с хозяевами и снова пожали мальчикам руки. Те с серьезным видом посмотрели на оперативников, а потом переглянулись, и Гоша, решившись, спросил:

— А кто там был, в снегу-то? Женщина какая-то? Ее чего, убили?

— Много будешь знать, — шелкнул сына по носу Тельников, — быстро поседеешь.

ГЛАВА 4

— Мне тут от начальника эсэмэска пришла, пока мы беседовали, — заявил Варежкин, когда оперативники вышли из квартиры Тельникова и спустились на улицу. — Он ждет нас в каби-

нете. Говорит, что есть новости от криминалистов и отчет от судмедэксперта принесли. Он хотел бы, чтобы мы посмотрели все материалы, прежде чем с мэром разговаривать.

— Ну, тогда поехали в управление, — согласился Станислав Крячко. — Все равно до двух часов еще куча времени.

— Тем более что мы утром не посмотрели фотографии и вообще, конечно же, информации мало пока, — добавил Гуров.

— Это мое упущение, мне нужно было сразу вам все фотографии показать, — смутился Варежкин.

— Вот сейчас и покажешь, — ободряюще похлопал его по спине Лев Иванович и сел в машину.

В кабинете у Петровского было душно и накурено. Начальник был заядлым курильщиком, а потому разрешал у себя в кабинете курить всем, кто пожелает. А таких набралось три человека.

— Вы бы хоть форточку открыли, Аркадий Сергеевич, — нахмурился Гуров. — А то в кабинете, как в поговорке, хоть топор вешай.

— Ладно, ладно, — миролюбиво ответил Петровский, встал, сам открыл окно и командовал подчиненным: — Кончай, ребята, с перекуром, работать будем. Давай, Рекунов, докладывай, что у тебя есть по уликам.

— Улик немного, и не все они существенные. Пока несущественные, — поправился Рекунов, — если к ним не будет дополнитель-

ной информации. — Лаборант открыл папочку с документами. — Перво-наперво мы взяли образцы снега с места происшествия. Вернее, образцы воды от растаявшего снега. И выяснили, что его для скульптуры брали не в черте города. То есть следов загрязнения, присущих снегу в городской черте, там нет. Снежок чист и свеж. Но есть в нем компоненты растительного происхождения. Хвоинки и небольшие частицы сухих листьев говорят, что снег брали где-то за городом, в смешанной лесополосе. И, кстати, по всей видимости, где-то неподалеку или костер жгли, или печь топили. Потому что в снеге было немного сажи.

— Может, загородный коттедж топили или возле какой-нибудь деревеньки снег набирали? — предположил Петровский.

— Может и такое быть, — согласился эксперт. — Но вот где конкретно — это определить пока нет возможности. Если только нам фирма, которая городок устанавливала, что-то не подскажет.

— Да, надо обязательно узнать у мэра, кто осуществлял заказ на изготовление городка, и поговорить с ответственными за это лицами, — сделал пометку в блокноте Гуров. — Может, через них попробуем выйти на место убийства. Хотя, я думаю, убили девушку в каком-то одном месте, а потом уже вывезли ее и все остальное проделали за городом.

— Да, убили девчонку, скорее всего, в машине, — согласился эксперт. — На ее одежде